

Политическая лингвистика. 2022. № 4 (94).
 Political Linguistics. 2022. No 4 (94).

УДК 811.111'42:811.111'38
 ББК ШП43.21-51+ШП43.21-55

ГСНТИ 16.21.33; 16.21.55

Код ВАК 10.02.19; 10.02.04 (5.9.8.; 5.9.6)

Екатерина Павловна Мурашова^{1,2}

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, e.p.murashova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2376-4148>

²Московский энергетический институт, Москва, Россия

Мнемонический потенциал гибридного дискурса (на материале англоязычных политических медиатекстов)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению особенностей актуализации, передачи и сохранения памяти о прошлом в политическом медиадискурсе, который рассматривается как гибридный продукт медиатизации политического дискурса. Предпринимается попытка выявить средства конструирования так называемой медиапамяти, т. е. цифровой системы хранения и передачи информации о прошлом, в политическом медиадискурсе с учетом его гибридного характера. Материалом исследования послужили 500 англоязычных текстов, опубликованных в официальных Twitter-аккаунтах современных американских, британских и канадских политиков и политических институтов с 2010 по 2022 г. В работе применялись как общенаучные методы (наблюдение, анализ, синтез и обобщение), так и традиционные лингвистические методы — метод лингвостилистического анализа и метод лингвокультурологического анализа текста. Особое внимание в статье уделяется хронотопу как категории, выражающей пространственно-временное измерение памяти. Хронотоп политического медиадискурса в результате гибридизации наделяется свойством ретроспективности и имеет центральное значение для конструирования медиапамяти. В исследовании устанавливается, что основным средством конструирования медиапамяти в политическом медиатексте выступает ретроотсылка, или обращение к прошлому, которая осуществляет переключение между временными планами хронотопа. В статье выявляются и классифицируются основные средства реализации ретроотсылок, а также определяются основные функции ретроотсылок, направленные на конструирование медиапамяти. Делается вывод о том, что политический медиадискурс обладает значительным мнемоническим потенциалом, который реализуется путем создания и поддержания мнемонической среды с использованием средств политического дискурса и медиадискурса. Полученные результаты могут быть использованы для трансляции и сохранения коллективной памяти, необходимой для успешного функционирования и воспроизводства культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, медиадискурс, медиатексты, СМИ, средства массовой информации, язык СМИ, языковые средства, английский язык, англоязычные СМИ, гибридный дискурс, гибридизация, медиапамять, политический дискурс, хронотопы, ретроспекция, коллективная память, ретроотсылки, Интернет, интернет-пространство, интернет-технологии, интернет-коммуникация, интернет-ресурсы, интернет-тексты, интернет-дискурс.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Мурашова Екатерина Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук, Институт международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; доцент кафедры иностранных языков, Гуманитарно-прикладной институт, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», Москва, Россия; 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; e-mail: e.p.murashova@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мурашова, Е. П. Мнемонический потенциал гибридного дискурса (на материале англоязычных политических медиатекстов) / Е. П. Мурашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 4 (94). — С. 59–69.

Ekaterina P. Murashova^{1,2}

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, e.p.murashova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2376-4148>

²Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russia

The Mnemonic Potential of Hybrid Discourse: An Analysis of English-Language Political Media Texts

ABSTRACT. The article deals with the peculiarities of actualizing, conveying, and keeping memories in political media discourse, regarded as a hybrid product of mediatization of political discourse. An attempt is made to reveal the means of constructing media memory, i. e. a digital system of keeping and conveying information about the past, in political media discourse considering its hybrid character. The research material comprises 500 English-language texts published from 2010 to 2022 by modern American, British, and Canadian politicians and political institutions. To carry out the research, the author uses general scientific methods (observation, analysis, synthesis, and generalization) and the methods of linguostylistic and linguoculturological analysis. Special attention is paid to the chronotope as a category representing the spatial and temporal dimension of memory. As a result of hybridization, the chronotope of political media discourse acquires the property of retrospectivity and becomes central to constructing media memory. The study argues that the main means of constructing media memory in political media discourse is a retro-reference, or reference to the past, which helps to switch

© Мурашова Е. П., 2022

between the past, the present and the future. The author reveals and classifies the main means of realizing retro-references and finds out their main functions aimed at constructing media memory. It is concluded that political media discourse has significant mnemonic potential which is realized through creating and maintaining a mnemonic environment with the help of the tools of political discourse and media discourse. The results obtained can be applied to convey and keep the collective memory necessary for the successful functioning and reproduction of culture.

KEYWORDS: *journalism, media linguistics, media discourse, media texts, mass media, mass media language, language means, English language, English-language mass media, hybrid discourse, hybridization, media memory, political discourse, chronotopes, retrospectivity, collective memory, retro-references, Internet, Internet space, Internet technologies, Internet communication, Internet resources, Internet texts, Internet discourse.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Murashova Ekaterina Pavlovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; Associate Professor of Department of Foreign Languages, Institute of the Humanities and Applied Sciences, National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Murashova E. P. (2022). The Mnemonic Potential of Hybrid Discourse: An Analysis of English-Language Political Media Texts. In Political Linguistics. No 4 (94), pp. 59-69. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Современный институциональный дискурс постоянно испытывает влияние процессов глобализации и медиатизации различных сфер жизни. Главной тенденцией в работе социальных институтов сегодня стало стремление к стандартизации и унификации коммуникации, которое чаще всего реализуется посредством стирания границ между общественными практиками в рамках так называемого гибридного дискурса.

Здесь и далее под гибридным дискурсом понимается дискурс, объединяющий в себе признаки и свойства дискурса различных социальных институтов и представляющий собой качественно новое образование, отличное от породивших его разновидностей дискурса.

Изучение гибридности в гуманитарных науках приобрело особую актуальность на фоне процесса цифровизации общества, который значительно упростил взаимодействие различных языков и культур. Исследование гибридности в лингвистике ведется в основном на материале институционального дискурса, который в той или иной мере подвергается гибридизации в ответ на запросы глобализованного общества [Букеева 2014; Гусейнова 2020; Солопова 2018]. Гибридность политического текста выступает объектом исследования в политической [Чудинов 2012; Мурашова 2018] и медиалингвистике [Wodak 2011; Добросклонская 2016], однако еще не была изучена в достаточной степени. В частности, нет отдельных работ, посвященных мнемоническому потенциалу политического медиатекста, иначе — его способности сохранять и передавать память о прошлом.

В настоящей работе мы исходим из предположения, что гибридизация проявляется на разных уровнях языка и оказывает влияние на характер и эффективность пода-

чи исторической информации, образующей так называемую медиапамять, — цифровую систему хранения, актуализации и трансляции информации о прошлом.

Цель исследования — выявить средства конструирования медиапамяти в политическом медиадискурсе как разновидности гибридного дискурса. Материалом исследования послужили 500 политических медиатекстов, опубликованных с 2010 по 2022 г. в официальных аккаунтах современных американских, британских и канадских политиков (Джо Байден, Риши Сунак, Джастин Трюдо и др.) и политических институтов (Госдеп США, правительства Великобритании и Канады и др.) в социальной сети-микроблоге «Twitter» (доступ к *twitter.com* ограничен в РФ с 4 марта 2022 г. на основании требования Генпрокуратуры). Материал исследования был отобран методом сплошной выборки.

Выбор материала обусловлен, с одной стороны, явным гибридным характером политического медиатекста, с другой — популярностью микроблога как средства общения политиков с публикой.

Для достижения поставленной цели помимо общенаучных методов (наблюдение, анализ, синтез и обобщение) были использованы традиционные методы лингвистического анализа, включающие лингвостилистический анализ и метод лингвокультурологического анализа текста.

1. ГИБРИДНЫЙ ДИСКУРС: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПОДХОДЫ К ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

При наиболее широкой трактовке гибридным называется дискурс, характеризующийся смешением любых разнородных элементов, к которым в зависимости от подхода могут относиться «социальные языки» или «языковые сознания» [Бахтин 1975: 170], экстралингвистические факторы [Карасик 1999: 6—7], единицы разных уровней языка,

знаки и знаковые системы [Ирисханова, Ивашко 2011: 63–64] и т. д. В большинстве определений подчеркивается продуктивный характер смешения, т. е. появление у гибридного дискурса новых качеств, которыми не обладали входящие в его состав элементы [Ирисханова, Ивашко 2011: 63; Солопова 2018: 20; Sanchez-Stockhammer 2012: 135].

В более узком смысле гибридным называется дискурс, образованный путем соединения двух и более разновидностей дискурса, выделяемых на основе той или иной сферы социальной жизни. Т. Г. Добросклонская в рамках функционального подхода к определению дискурса предлагает учитывать, что различные социальные практики могут сливаться воедино и приводить к становлению гибридного дискурса, объединяющего их характеристики [Добросклонская 2016: 16].

Типологизация гибридного дискурса осуществляется, как правило, на основе девяти конститутивных признаков институционального дискурса, выделенных В. И. Карасиком: участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, материал (тематика), разновидности и жанры, прецедентные (культурогенные) тексты и дискурсивные формулы [Карасик 1999: 6–7]. Конститутивные признаки гибридного дискурса детерминируются конститутивными признаками входящих в его состав разновидностей дискурса и варьируются по значимости. Так, О. А. Солопова и К. А. Наумова предлагают считать гибридный дискурс качественно новым образованием, представляющим собой сочетание «дискурс-основ», одни из которых задают «концептуальные компоненты» в гибридном дискурсе (хронотоп, цели, участники, ценности), а другие — определяют его содержательную наполненность (стратегии, тематика, разновидности, прецедентные тексты и дискурсивные формулы) [Солопова 2018: 16, 20].

2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕДИАДИСКУРС: К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Гибридный характер политического медиадискурса во многом детерминируется его единовременной принадлежностью к двум социальным практикам — политике и масс-медиа. Исходя из положения о том, что «дискурс-основы» определяют конститутивные признаки гибридного дискурса, представляется целесообразным выявить, какую роль играет каждая из двух составляющих политического медиадискурса.

Есть основания полагать, что в политическом медиадискурсе ключевые компоненты задаются политическим дискурсом, что находит косвенное подтверждение в назва-

нии гибридного продукта (*политический медиадискурс*). Как отмечает Е. И. Шейгал, решающими критериями при отнесении коммуникации к политической являются цель и содержание. Целью политической коммуникации выступает борьба за власть, а содержание сводится к публичному обсуждению «вопросов власти» [Шейгал 2000: 34].

Публикация в *Twitter*, размещаемая на официальном аккаунте политика, на наш взгляд, отвечает критериям политической коммуникации и потому представляет собой политический текст. Во-первых, целью такой публикации, как правило, является общение политика с потенциальными избирателями, направленное на убеждение и побуждение их к определенному политическому поведению, например, к голосованию. Во-вторых, содержание публикации в основном подчинено политическим целям отправителя, поэтому прямо или косвенно связано с политикой.

При этом нельзя не отметить, что роль СМИ в политической коммуникации через *Twitter* не сводится к посреднической. Медиа накладывают отпечаток на цель и содержание публикации, поскольку для успешной коммуникации автору нужно, с одной стороны, учитывать общие тенденции СМИ, такие как стремление к компрессии информации на фоне повсеместной клиповизации мышления, а с другой — технические и морально-этические требования платформы, например, ограничение объема публикации до 280 символов и запрет на распространение вредоносной информации. Следует также принимать во внимание гибридную и конвергентную природу платформы *Twitter*, объединяющей характеристики и инструментарий СМИ и ряда интернет-сервисов: социальной сети, микроблога, службы мгновенных сообщений, электронной почты [Горошко 2011: 12]. Гибридность *Twitter* находит свое отражение в техническом оформлении сообщения (вербальный печатный текст в сочетании с различными мультимедийными средствами платформы — фотографии, видео, GIF, эмодзи и др.), его языке и содержании (институциональный дискурс сочетается с персональным).

Таким образом, несмотря на явное преобладание политического компонента в целях и содержании *Twitter*-публикации, мы считаем наиболее рациональным определять отношения между двумя дискурсами, образующими политический медиадискурс, не как доминирование — подчинение, а как взаимовлияние. Следовательно, медиакomпонент может обнаруживаться не только в содержании политического медиатекста, но и в его ключевых конститутивных признаках.

В настоящем исследовании мы фокусируемся на хронотопе как категории, наиболее ярко иллюстрирующей взаимовлияние как доминирующий аспект гибридизации политического медиадискурса.

3. ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА

Категория хронотопа заслуживает в настоящей работе особого внимания, поскольку, с одной стороны, хронотоп сам по себе является гибридным образованием, объединяющим категории пространства и времени, с другой стороны, память, как правило, фиксирует события и явления в пространственном и временном измерениях (ср. «хронотоп памяти»). Здесь и далее память понимается в широком смысле как «познавательный (когнитивный, психологический) процесс, включающий в себя запоминание, сохранение, припоминание (воспоминание, воспроизведение), узнавание и забывание информации» [Немов 2003: 96].

Термин «хронотоп» изначально использовался в математическом естествознании для обозначения связи координат пространства и времени и был введен в обиход гуманитарных наук благодаря трудам М. М. Бахтина в области литературоведения и эстетики. По его определению, хронотоп представляет собой «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений», «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» [Бахтин 1975: 234–235]. Характер отношений между пространством и временем обозначается М. М. Бахтиным как взаимозависимость: «...приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [Бахтин 1975: 235].

Хронотоп политического медиадискурса сочетает в себе черты хронотопов как политического, так и медиадискурса. Хронотоп политического дискурса представляет собой единство трех временных планов — «прошлое — настоящее — будущее», где настоящее является «отправной точкой» для припоминания прошлого и прогнозирования будущего. При этом ретроспекция, или обращение к прошлому, придает высказыванию аргументативную силу и является одним из условий для создания ощущения надежности и безопасности у реципиента [Шейгал 2000: 52].

Медиадискурс, в отличие от политического, лишен «ретроспективной емкости» и акцентирует план настоящего времени, поскольку для СМИ представляет ценность фиксация событий здесь и сейчас (цит. по: [Тихонова, Артамонов 2021: 58]). С развити-

ем компьютерных технологий стало возможным делиться информацией в режиме реального времени и активно вести диалог с интернет-пользователями, что выдвигает на передний план такие требования к содержанию сообщения, как новизна, злободневность и интерактивность. Неактуальная информация, как правило, встречает неодобрение пользователей, о чем свидетельствует, например, использование негативно окрашенного сленгового слова «баян» применительно к широко растиражированному контенту.

Таким образом, план прошедшего времени имеет разную значимость в хронотопах политического и медиадискурса, однако в гибридном политическом медиадискурсе становится прагматически релевантным, если коммуникативной задачей выступает конструирование медиапамяти.

4. КОНСТРУИРОВАНИЕ МЕДИАПАМЯТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАТЕКСТЕ

4.1. Понятие медиапамяти

В гуманитарных науках широкое распространение получила идея о том, что спектр выполняемых СМИ функций в институциональной коммуникации велик и не ограничивается техническим посредничеством. СМИ реализуют сложный социальный процесс медиатизации, суть которого заключается в создании «публичной зоны пересечения СМИ и культуры, в которой есть место и для медиакультуры, и для медиаверсии культуры, и для собственно культурных феноменов», где под медиакультурой понимается культура, создаваемая в медиaprостранстве на основе существующей национальной культуры [Клушина 2014: 69]. Ключевым концептом медиакультуры выступает память, поскольку, по справедливому замечанию Ю. М. Лотмана, культура представляет собой «коллективный интеллект и коллективную память, т. е. надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» [Лотман 1992: 200]. Процесс создания медиакультуры предполагает формирование культурной идентичности, которое невозможно без приобщения к памяти группы (народа, нации, сообщества и пр.) о своей культуре и истории. Таким образом, СМИ выполняют общественно значимую функцию медиатизации памяти — актуализации и трансляции культурных смыслов и исторического знания для социализации индивидов, консолидации общества и дальнейшего воспроизводства и обогащения культуры.

В цифровую эру с развитием коммуникативных технологий вырос технический по-

тенциал СМИ, что способствовало более системной и эффективной репрезентации и трансляции памяти. С тем, чтобы маркировать цифровой сдвиг в изучении вопросов памяти, в гуманитарной науке был введен термин «медиапамять», обозначающий «цифровую систему хранения, преобразования, производства и распространения информации о прошлом, на основе которой формируется историческая память индивидов и общностей» [Тихонова, Артамонов 2021: 61]. Медиапамять — комплексное явление, включающее в себя разные виды памяти (индивидуальную и коллективную, культурную и историческую и др.), а также мнемические процессы (запоминания, сохранения, воспроизведения, узнавания и забывания) [Немов 2003: 96]. Единицами медиапамяти, на наш взгляд, выступают «фигуры воспоминания», которые определяются как «культурно сформированные, общественно обязательные образы воспоминания» [Ассман 2004: 39]. Фигуры воспоминания обычно представляют собой конкретные события, лица и места прошлого, специально воссоздаваемые для закрепления в памяти группы.

4.2. Ретроотсылка как средство медиапамяти: виды ретроотсылок

Анализ эмпирического материала показал, что в политическом медиатексте наиболее распространенной фигурой воспоминания является ретроотсылка, которая понимается нами в широком смысле как обращение к прошлому. Следует отметить, что ретроотсылки в публикации политиков в *Twitter* отличаются многообразием и могут быть классифицированы на основании таких критериев, как содержание и семиотическая репрезентация.

Так, в зависимости от содержания мы считаем возможным выделить три основных вида ретроотсылок:

- историческая справка: *On this day 40 years ago, British troops landed at San Carlos Bay ahead of the liberation of the Falkland Islands in June. We remember their bravery and sacrifice. The Falkland Islands are a vital part of the British family and we will always uphold their sovereignty* (@trussliz, 21.05.2022);
- персональная реминисценция: *As a child growing up in California, I learned of the struggle of the farmworkers, and the power of solidarity. The heroes of my childhood were leaders like César Chávez. Our nation owes him a great debt for helping advance dignity, justice, and the right to organize.* (@VP, 31.03.2022);
- ретропрогноз (под ретропрогнозом понимается «инструмент проектирования прошлого» [Кошкарлова 2016: 48]): *Thought exper-*

iment: imagine if South Carolina or some other state actually representative of the democratic electorate had been first. We'd be having a totally different conversation. It's a huge mistake to marginalize black and Latino voters. Wait for South Carolina. (@ABlinken, 10.02.2020).

На основании критерия семиотической репрезентации возможно разграничение монокодовых (только вербальных или только невербальных) и поликодовых (вербально-невербальных) ретроотсылок. Вербальные и невербальные ретроотсылки далее подразделяются в зависимости от модуса восприятия на визуальные, аудиальные и аудиально-визуальные. Вербальные ретроотсылки могут быть собственно лингвистическими, т. е. выраженными только средствами естественного языка, и мультимедийными, т. е. реализуемыми с использованием цифрового инструментария платформы (хештеги, гиперссылки, эмодзи, вставки видео-, GIF- и аудио-файлов, поле ответов под публикацией).

4.3. Функции ретроотсылок

В результате анализа эмпирического материала нами были выявлены следующие функции ретроотсылки в политическом медиатексте, каждая из которых в той или иной мере способствует реализации ее мнемонического потенциала: оптимизирующая, текстообразующая, парольная, экологическая и персуазивная.

Оптимизирующая функция ретроотсылок предполагает компрессию информации с целью экономии усилий и ресурсов. В материале исследования оптимизация реализуется посредством языковой экономии и рационального использования мультимедийных возможностей платформы. Наиболее популярными средствами компрессии информации о прошлом в *Twitter*-публикации являются хештеги (#), отметки (@), гиперссылки, мультимедийные вложения (фото-, видео- и GIF-файлы) и тематические «ветки». Использование оптимизирующих средств позволяет политику эвочировать (вызвать в сознании) обширный культурный и исторический контекст, не лишая высказывание лаконичности. Например, в следующей публикации действующего государственного секретаря США Энтони Блинкена используется сочетание отметки, хештега и видеорепортажа с целью коммеморации важной исторической вехи — 12 сентября 2001 г., когда впервые за все время существования НАТО была применена статья № 5 Вашингтонского договора, закрепляющая принцип коллективной обороны (рис. 1). В письменной вербальной части публикации кратко излагается суть события, в то время как во вложенном видеофайле содержится

Рис 1.

более подробная историческая справка, включающая содержание статьи № 5 и значимость ее применения. Поиск дополнительной информации легко осуществить, нажав на отметку @NATO и хештег #neverforget. Пользователям предлагается контролировать информационный поток, активируя одни элементы публикации и игнорируя другие.

Текстообразующая функция ретроотсылки реализуется в ее способности служить организующим началом в хронотопе политического медиадискурса. Ретроотсылка выступает связующим звеном между тремя временными планами и обеспечивает взаимодействие между ними в едином мнемоническом контексте. Необходимость обращения к прошлому или будущему в политическом медиатексте определяется планом настоящего времени. По справедливому замечанию Я. Ассмана, ввиду воссоздающего характера коллективной памяти прошлое не существует в ней само по себе, а реорганизуется в зависимости от запросов настоящего [Ассман 2004: 42]. При этом подчеркивается двунаправленность действия коллективной памяти — прошлое выступает основой для переживания настоящего и прогнозирования будущего.

С тем, чтобы проиллюстрировать организующее действие ретроотсылки, обратимся к публикации действующего президента США Джо Байдена, в которой он осуждает специальную военную операцию РФ на территории Украины. Политик предпринимает попытку встроить в коллективную память американцев гипотетическое ослабление России, репрезентируя его в форме воспоминания с помощью словосочетания *the history of this era* и видо-временной формы «будущее в прошедшем»: *When the history of this era is written, Putin's war on Ukraine will have left Russia weaker and the rest of the world stronger* (@POTUS, 29.03.2022). Таким образом, ретроотсылки в публикации «программируют» будущее, представляя события в настоящем в нужном для Джо Байдена ракурсе как состоявшийся факт в прошлом.

Парольная функция была впервые подробно описана Г. Г. Слышкиным применительно к прецедентным текстам. Ее суть заключается в том, что прецедентный текст может служить своеобразным «паролем», позволяющим определить принадлежность реципиента к той же группе, что и отправитель сообщения [Слышкин 2000: 99]. Парольная функция направлена на реализацию семантической оппозиции «свой — чужой».

жой», которая является базовой не только для политического дискурса [Шейгал 2000], но и для культуры в целом. В качестве «пароля» мы считаем целесообразным рассматривать прецедентную единицу, включенную в коллективную память группы. К «парольным» ретроотсылкам в политическом медиатексте относятся прежде всего такие прецедентные единицы, как имена собственные исторических личностей, названия исторически значимых событий и мест, общеизвестные цитаты и аллюзии. Без наличия определенного фона культурных и исторических знаний декодирование сообщения, содержащего «парольные» средства, как правило, затрудняется или оказывается невозможным.

Так, в следующей публикации действующего вице-президента США Камалы Харрис содержится несколько «парольных» ретроотсылок. Первое предложение вербализует прецедентное событие — убийство афроамериканского подростка Трейвона Мартина белым патрульным-добровольцем в 2012 г. Гибель молодого человека вызвала большой общественный резонанс и привела к формированию движения *Black Lives Matter*, призванного бороться против дискриминации чернокожих. Во втором предложении вербализуется прецедентная ситуация — гибель чернокожих от рук правоохранителей. Также в публикации используется прецедентное имя *Trayvon Martin* и аллюзия к общественному движению — *their lives matter*. ***Trayvon Martin's death ten years ago sparked a movement. Since then, we have watched too many others die. We have called their names. We have embraced their families. We have worked for justice—and still do—because their lives matter*** (@VP, 26.02.2022).

Понимание смысла сообщения представляется затруднительным в отсутствие знания обстоятельств трагедии и ее культурного и исторического значения.

Историческая память закрепляется, как правило, в специфической лексике, служащей маркером определенной эпохи, — так называемых «словах-хронофактах» (цит. по: [Шейгал 2000: 91]). Слова-хронофакты несут память об определенной эпохе и ассоциирующихся с ней персоналиях. Например, в следующей публикации Джо Байдена используется словосочетание-хронофакт *Great Recession* (рус. «Великая рецессия»), обозначающее мировой экономический спад 2007—2009 гг. Великая рецессия в США прилась на президентские сроки Джорджа Буша — мл. и Барака Обамы, и с тем, чтобы конкретизировать релевантные для сообще-

ния хронологические рамки, используются дополнительные языковые средства — местоимение *I* и имя собственное *Michigan*. Они призваны эвоцировать воспоминание о времени, когда администрация Барака Обамы и Джо Байдена активно инвестировала средства в экономику штата Мичиган: ***I put my faith in Michigan in the depths of the Great Recession — and if you believe, as I do, that our greatest days still lie ahead, I hope that you'll put your faith in Team Joe tomorrow*** (@JoeBiden, 10.03.2020).

Экологическая функция ретроотсылок тесно связана с парольной. В условиях глобализации актуальность приобретает сохранение национально-культурной самобытности группы и ее защита от негативного воздействия извне, что выдвигает на передний план вопросы экологии языка, культуры и общества. Термин «экология» применительно к продуктам духовной деятельности человека представляет собой организменную метафору и понимается как «обеспечение культурного и языкового разнообразия мира, а также безопасности языков» и культур [Трошина 2020: 4]. Подобно тому, как биологическая экология направлена на охрану природной окружающей среды, экология культуры ставит перед собой задачу сохранить «мнемоническую среду» общества, поскольку без памяти о прошлом невозможно полноценное существование и воспроизводство культуры. Ретроотсылка может рассматриваться как инструмент экологизации памяти, поскольку позволяет создавать, передавать и хранить коллективную память группы.

В политическом медиатексте особое место отводится ретроотсылкам, маркирующим этничность человека, что, по всей видимости, обусловлено возросшей актуальностью проблем полиэтнического общества.

Так, следующая публикация канцлера Казначейства Великобритании Риши Сунака содержит новость о выпуске коллекционной пятифунтовой монеты, коммеморирующей известного индийского политического деятеля Махатму Ганди (рис. 2). В качестве ретроотсылок в публикации выступают главным образом прецедентные единицы: имя собственное *Mahatma Gandhi* (рус. «Махатма Ганди») и принадлежащая М. Ганди цитата *My life is my message* (рус. «Моя жизнь — мое послание»). Риши Сунак дает пояснение относительно дизайна монеты, указывая с помощью имени собственного *India* на символическую значимость изображенных на ней элементов (цветка лотоса и цитаты) для индийской культуры.

Ready For Rishi @RishiS... · 04.11.2021 ...

Today I've unveiled a new commemorative £5 coin with the @RoyalMintUK to celebrate the life and legacy of Mahatma Gandhi.

The striking design features **India's** national flower and one of Gandhi's most famous quotes.

Read more: gov.uk/government/new...

💬 229

↻ 201

❤ 694

Рис. 2

Персуазивная функция ретроотсылки основана на способности ретроспекции воздействовать на эмоционально-личностную сферу человека, вызывая у него ностальгию, чувство защищенности и надежности или, наоборот, страх, сожаление или ненависть. Размышляя о функциях политического дискурса, Е. И. Шейгал выделяет функцию использования в качестве инструмента политической власти и относит к ее наиболее значимым проявлениям мобилизацию к действию [Шейгал 2000: 48].

Twitter за всю историю своего существования зарекомендовал себя как платформа с большим консолидирующим потенциалом, о чем свидетельствуют успешная организация и проведение некоторых массовых акций (например, штурм Капитолия в 2021 г.). Мобилизация через *Twitter* реализуется посредством традиционных средств политического убеждения (прямые призывы, создание эмоциональных ассоциаций и др.) и инструментария, специфичного для платформы (хештеги, эмодзи, мультимедийные вложения, «ретвиты», «ветки» и т. д.).

Особенного внимания заслуживает богатый прагматический потенциал хештега. Хештег способен не только облегчать поиск информации, но и влиять на социально-политическую обстановку в стране посред-

ством формирования эмотивного вектора распространения политической информации [Золотайко 2022]. Хештег активно используется как средство ретроотсылки, так как позволяет в лаконичной форме реализовать апелляцию к коллективной памяти группы и задать необходимый отправителю эмоциональный контекст.

В результате анализа эмпирического материала было установлено, что в политическом медиатексте хештег часто применяется для организации коммеморативных акций. Так, следующая публикация британского правительства направлена на коммеморацию павших в годы Первой мировой войны (рис. 3). Публикация имеет эмоциогенный характер за счет изобилия хештегов, содержащих отсылку к Дню памяти и благотворительной кампании *Poppy Appeal*, названной по символу памяти жертв — красному маку (*#ArmisticeDay*, *#PoppyAppeal*, *#RBL10*, *#EveryPoppyCounts*, *#LestWeForget*). Большой эмоциональный посыл содержит приложенное к публикации 19-секундное видео, на котором изображен трепещущий в тишине красный мак с наложенной надписью *We will remember them* (рус. «Мы будем их помнить»). Вероятно, видео представляет собой видео-аудиальную метафору «мак в тишине — минута молчания в честь павших».

UK Government in Wales · 11.11.2021

On #ArmisticeDay we **remember** and pay our respects to our Armed Forces community, past and present. #PoppyAppeal #RBL100 #EveryPoppyCounts #LestWeForget @DefenceHQ

Просмотров: 120

1

2

4

Рис. 3

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы. **Во-первых**, политический медиадискурс представляет собой гибридный дискурс, составные части которого вступают в отношения взаимовлияния. Хронотоп политического медиадискурса определяется характеристиками хронотопов политического и медиадискурса. Несмотря на то, что ретроспективность в целом не характерна для медиадискурса, в результате гибридизации под влиянием политического дискурса план прошедшего времени оказывается в фокусе внимания при конструировании медиапамяти. **Во-вторых**, медиапамять — это сложное техническое и коммуникативное явление, включающее в себя индивидуальную и коллективную виды памяти. Основным средством конструирования медиапамяти в политическом медиатексте выступает ретроотсылка, или обращение к прошлому. **В-третьих**, ретроотсылки в политическом медиатексте представлены большим многообразием вербальных и невербальных средств, характерных для политического и медиадискурса, и могут быть классифицированы на основании содержания (историческая справка, персональная реминисценция, ретропрогноз) и семиотической репрезентации (моно- и поликодовые). В большинстве случаев ретроотсылки характеризуются конкретностью, поскольку конкретизация считается эффективным способом закрепить информацию о прошлом в коллективной памяти. Конкретность достигается, как правило, при помощи прецедент-

ных единиц, в том числе слов-хронофактов. **В-четвертых**, в политическом медиатексте ретроотсылки выполняют ряд функций, способствующих конструированию медиапамяти: оптимизирующая, текстообразующая, парольная, экологическая и персуазивная. Каждая их перечисленных функций реализуется с помощью вербальных и невербальных средств, характерных для политического или медиадискурса в отдельности, однако в политическом медиадискурсе они имеют свою специфику использования, что иллюстрирует синергетический эффект гибридизации дискурса. **В-пятых**, отправитель политического медиатекста обычно стремится создать и поддерживать единую мнемоническую среду для сохранения коллективной памяти и дальнейшего воспроизводства культуры. Связь между временными планами мнемонической среды, как правило, осуществляет ретроотсылка. Таким образом, политический медиатекст обладает значительным мнемоническим потенциалом, который в основном реализуется в сообщениях коммеморативного, просветительского и побудительного характера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с. — Текст : непосредственный.
2. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с. — Текст : непосредственный.
3. Букеева, М. Е. Гибридные жанры презентационного дискурса : 10.02.04 : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Букеева Мария Евгеньевна ; Моск. гос. лингвист. ун-т. — Москва, 2014. — 23 с. — Текст : непосредственный.

4. Горошко, Е. И. «Чирикающий» жанр 2.0 Твиттер, или Что нового появилось в виртуальном жанроведении / Е. И. Горошко. — Текст : непосредственный // Вестник Тверского государственного университета. — 2011. — № 1. — С. 11—21.
5. Гусейнова, И. А. Цифровизация и ее моделируемые последствия (на примере социокультурного взаимодействия в институциональной коммуникации) / И. А. Гусейнова. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. — 2020. — 26 (4). — С. 89—117.
6. Добросклонская, Т. Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа / Т. Г. Добросклонская. — Текст : непосредственный // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования (Белгород, НИУ «БелГУ», 5—7 окт. 2016 г.): сборник научных работ. — Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. — С. 13—22.
7. Золотайко, А. И. Хештег в полицейском интернет-дискурсе / А. И. Золотайко, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 1 (91). — С. 12—19.
8. Ирисханова, О. К. Процессы гибридизации в языке. Лексические гибриды / О. К. Ирисханова, Е. А. Ивашко. — Текст : непосредственный // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий : моногр. / И. И. Халева [и др.]. — Москва : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. — С. 57—74.
9. Карасик, В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик. — Текст : непосредственный // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сб. науч. тр. / В. И. Карасик [и др.]. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 5—19.
10. Клушина, Н. И. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль / Н. И. Клушина. — Текст : непосредственный // Русская речь. — 2014. — № 1. — С. 66—73.
11. Кошкарлова, Н. Н. Ретропрогнозирование как инструмент проектирования прошлого? / Н. Н. Кошкарлова, Н. Б. Руженцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4 (58). — С. 48—52.
12. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман. — Текст : непосредственный // Избранные статьи : в 3 т. / Ю. М. Лотман. — Таллин : Александра, 1992. — Т. 1. — С. 200—202.
13. Мурашова, Е. П. Политический спот как жанр политической рекламы (на материале английского языка) : 10.02.19, 10.02.04 : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Мурашова Екатерина Павловна ; Моск. гос. лингвист. ун-т. — Москва, 2018. — 28 с. — Текст : непосредственный.
14. Немов, Р. С. Психология : словарь-справочник : в 2 ч. / Р. С. Немов. — Москва : Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. — Ч. 2. — 352 с. — Текст : непосредственный.
15. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные аспекты прецедентных текстов в сознании и дискурсе : моногр. / Г. Г. Слышкин. — Москва : Academia, 2000. — 125 с. — Текст : непосредственный.
16. Солопова, О. А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации / О. А. Солопова, К. А. Наумова. — Текст : непосредственный // Филологический класс. — 2018. — № 4 (54). — С. 15—21.
17. Тихонова, С. В. Историческая память в социальных медиа / С. В. Тихонова, Д. С. Артамонов. — Санкт-Петербург : Алетей, 2021. — 264 с. — Текст : непосредственный.
18. Трошина, Н. Н. Экология языка : аналит. обзор / Н. Н. Трошина. — Москва : РАН ИНИОН, 2020. — 54 с. — Текст : непосредственный.
19. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (40). — С. 53—59.
20. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : 10.02.01, 10.02.19 : дис. ... д-ра филол. наук / Шейгал Елена Иосифовна ; Волгоград, гос. пед. ун-т. — Волгоград, 2000. — 431 с. — Текст : непосредственный.
21. Sanchez-Stockhammer, C. Hybridization in Language / C. Sanchez-Stockhammer. — Text: unmediated // Conceptualizing cultural hybridization: A transdisciplinary approach / P. W. Stockhammer (Ed.). — Berlin ; Heidelberg : Springer, 2012. — P. 133—157.
22. Wodak, R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual / R. Wodak. — Houndmills : Palgrave Macmillan, 2011. — 252 p. — Text : unmediated.

REFERENCES

1. Assman, Ya. (2004). *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: writing, remembrance and political identity in early civilizations' high cultures]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 368 p. (In Russ.)
2. Bakhtin, M. M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics. Research of different years]. Moscow: Fiction Literature, 504 p. (In Russ.)
3. Bukeeva, M. E. (2014). *Gibridnye zhanry prezentatsionnogo diskursa* [Hybrid genres of presentation discourse] [Abstract of the thesis for the degree of candidate of philological sciences]. Moscow, 23 p. (In Russ.)
4. Goroshko, E. I. (2011). «Chirikayushchiy» zhanr 2.0 Twitter, ili chto novogo poyavilos' v virtual'nom zhanrovedenii [The «tweeting» 2.0 genre of Twitter, or what new things have appeared in virtual genre studies]. *Herald of Tver State University*, 1, 11—21. (In Russ.)
5. Guseynova, I. A. (2020). Tsifrovizatsiya i ee modeliruemye posledstviya (na primere sotsiokul'turnogo vzaimodeystviya v institutsional'noy kommunikatsii) [Digitalization and its simulated consequence (based on sociocultural interaction in institutional communication)]. *Moscow University Bulletin*, 26(4), 89—117. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-4-89-117>. (In Russ.)
6. Dobrosklonskaya, T. G. (2016). Novostnoy diskurs kak ob'ekt medialingvisticheskogo analiza [News discourse as an object of media linguistic analysis]. In *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya* [Collection of scientific papers of the Intern. scientific and practical conf., Belgorod, National Research University «BelSU», 5—7 October 2016] (pp. 13—22). Belgorod: «Belgorod» National Research University «BelSU». (In Russ.)
7. Zolotayko, A. I. & Chudinov, A. P. (2022). Kheshteg v politseyskom internet-diskurse [Hashtags in police internet discourse]. *Political linguistics*, 1(91), 12—19. DOI: 10.26170/1999-2629_2022_01_01. (In Russ.)
8. Iriskhanova, O. K. & Ivashko, E. A. (2011). Protssessy gibridizatsii v yazyke. Leksicheskie gibridy [Processes in hybridization in language. Lexical hybrids]. In I. I. Khaleeva et al. (Ed.) *Yazykovoe tvorchestvo v dinamike semioticheskikh vzaimodeystviy* (monograph) (pp. 57—74). Moscow: MSU «Rema». (In Russ.)
9. Karasik, V. I. (1999). Religioznyy diskurs [Religious discourse]. In V. I. Karasik (Ed.) *Yazykovaya lichnost': problemy lingvokul'turologii i funktsional'noy semantiki* [Collection of scientific papers] (pp. 5—19). Volgograd: Peremena. (In Russ.)
10. Klushina, N. I. (2014). Mediatizatsiya sovremennoy kul'tury i russkiy natsional'nyy stil' [Mediatization of modern culture and Russian national style]. *Russian speech*, 1, 66—73. (In Russ.)
11. Koshkarova, N. N. & Ruzhentseva, N. B. (2016). Retroprognozirovaniye kak instrument proektirovaniya proshlogo? [Retroprognosis as past modelling instrument?]. *Political linguistics*, 4(58), 48—52. (In Russ.)
12. Lotman, Yu. M. (2003). Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii [Memory in a culturological perspective]. In Yu. M. Lotman, *Izbrannye stat'i: v 3 tomakh* [Selected papers in three volumes] (Vol. 1, pp. 200—202). Tallinn: Aleksandra. (In Russ.)
13. Murashova, E. P. (2018). *Politicheskiiy spot kak zhanr politicheskoy reklamy (na materiale angliyskogo yazyka)* [The political spot as a genre of political advertising (based on the English language)] [Abstract of the thesis for the degree of candidate of philological sciences]. Moscow, 28 p. (In Russ.)
14. Nemov, R. S. (2003). *Psikhologiya: Slovar'-spravochnik: V 2 ch.* [Psychology: dictionary and reference book: in 2 parts] (Vol. 2). Moscow: VLADOS-PRESS, 352 p. (In Russ.)
15. Slyshkin, G. G. (2000). *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye aspekty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From text to symbol: linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse] (monograph). Moscow: Acadenia, 125 p. (In Russ.)

16. Solopova, O. A. & Naumova, K. A. (2018). Gibridnye formaty diskursa: problemy klassifikatsii [Hybrid discourse formats: classification issues]. *Philological class*, 4(54), 15–21. (In Russ.)
17. Tikhonova, S. V. & Artamonov, D. S. (2021). *Istoricheskaya pamyat' v sotsial'nykh media* [Historical memory in social media]. Saint Petersburg: Aleteya, 264 p. (In Russ.)
18. Troshina, N. N. (2020). *Ekologiya yazyka* [Language ecology] (analytical review). Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 54 p. (In Russ.)
19. Chudinov, A. P. (2012). Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii [Discursive characteristics of political communication]. *Political linguistics*, 2(40), 53–59. (In Russ.)
20. Sheygal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse] [Thesis for the degree of doctor of philological sciences]. Moscow, 431 p. (In Russ.)
21. Sanchez-Stockhammer, C. (2012). Hybridization in Language. In P. W. Stockhammer, *Conceptualizing cultural hybridization: A transdisciplinary approach* (pp. 133–157). Berlin, Heidelberg: Springer.
22. Wodak, R. (2011). *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. Houndmills: Palgrave Macmillan.